

Введение. Зачем нужна социология?

По-разному можно представлять себе социологию. Самый простой способ — вообразить длинный ряд библиотечных полок, до отказа забитых книгами. В названии либо в подзаголовке, или хотя бы в оглавлении всех книг встречается слово “социология” (именно поэтому библиотекарь поместил их в один ряд). На книгах — имена авторов, которые называют себя социологами, т.е. являются социологами по своей официальной должности как преподаватели или исследователи. Воображая себе эти книги и их авторов, можно представить определенную совокупность знаний, накопленных за долгие годы исследований и преподавания социологии. Таким образом, можно думать о социологии как о связующей традиции — определенной совокупности информации, которую каждый новообращенный в эту науку должен вобрать в себя, переварить и усвоить независимо от того, хочет он стать социологом-практиком или просто желает познакомиться с тем, что предлагает социология. А еще лучше можно представить себе социологию как нескончаемое число новообращенных — полки все время пополняются новыми книгами. Тогда социология — это непрерывная активность: пытливый интерес, постоянная проверка полученных знаний в новом опыте, непрекращающееся пополнение накопленного знания и его видоизменение в этом процессе.

Такое представление о социологии кажется вполне естественным и очевидным. В конце концов, именно так мы склонны отвечать на любой вопрос типа: “Что такое X?” Если, например, нас спросят: “Что такое лев?”, то мы сразу покажем пальцем на клетку с определенным животным в зоопарке или на изображение льва на картинке в книжке. Или, когда иностранец спрашивает: “Что такое карандаш?”, мы достаем из кармана определенный предмет и показываем его. В том и другом случае мы обнаруживаем связь между определенным словом и столь же определенным предметом и указываем на нее. Мы используем слова, *соотносящиеся с* предметами, как замену этих предметов: каждое слово отсылает нас к специфическому предмету, будь то животное или пишущее орудие. Нахождение предмета, “представляемого” нам с помощью слова, о котором спрашивают (т.е. нахождение *референта* слова), и является правильным и точным ответом на поставленный вопрос. Как только я нашел такой ответ, я знаю, как пользоваться до сих пор не знакомым мне словом: в соотношении с чем, в какой связи и при каких условиях. Ответ такого рода, о котором идет речь, учит меня только одному — как использовать данное слово.

Но вот чего мне не дает ответ на такого рода вопрос, так это знаний о самом предмете — о том предмете, на который мне указали как на референт интересующего меня слова. Я знаю только, как выглядит предмет, так что впоследствии я узнаю его в качестве предмета, вместо которого выступает теперь слово. Следовательно, существуют пределы — и довольно жесткие — знания, которому меня может научить метод “указания пальцем”. Если я обнаружу, какой именно предмет соотносится с названным словом, то мне, вероятно, сразу же захочется задать и следующие вопросы: “В чем особенность данного предмета?”, “Чем он отличается от других предметов и насколько, почему требует специального названия?” — Это лев, а не тигр. Это карандаш, а не авторучка. Если называть данное животное львом правильно, а тигром — неправильно, то должно быть нечто такое, что есть у львов и чего нет у тигров (это нечто и делает львов тем, чем тигры не являются). Должно быть какое-то *различие*, отделяющее львов от тигров. И только исследовав это различие, мы сможем узнать, кто такие на самом деле львы, а такое знание отлично от простого знания о предмете, заменяемом словом “лев”. Вот почему мы не можем быть полностью удовлетворены нашим первоначальным ответом на вопрос: “Что такое социология?”

Продолжим наши рассуждения. Удовлетворившись тем, что за словом “социология” стоит определенная совокупность знания и определенного рода практика, использующая и пополняющая это знание, мы должны теперь задаться вопросами о самих этих знаниях и практике: “Что в них есть такого, что позволяет считать их именно “социологическими”?”, “Что отличает эту совокупность знаний от других его совокупностей и, соответственно, практику, продуцирующую это знание, от других ее видов?”.

В самом деле, первое, что бросается в глаза при виде библиотечных полок с книгами по социологии, это масса других полок с книгами вокруг них не по социологии. Наверное, в каждой университетской библиотеке можно обнаружить, что ближайшими соседями книг по социологии являются книги, объединенные рубриками: “история”, “политическая наука”, “право”, “социальная политика”, “экономика”. И, наверное, библиотекари, расположившие эти полки рядом, имели в виду прежде всего удобство и доступность книг для читателей. Судя по всему, они полагали, что читатель, просматривая книги по социологии, может случайно обнаружить необходимые ему сведения в книге, скажем, по истории или политической науке. Во всяком случае это гораздо более вероятно, чем если бы ему попались на глаза книги, например, по физике или по инженерному делу. Другими словами, библиотекари предполагают, что предмет социологии несколько ближе к области знаний, обозначаемых словами “политическая наука” или “экономика”; и, вероятно, они еще думают, что различие между книгами по социологии и теми, что расположены в непосредственной близости от них, несколько менее выражено, не так четко обозначено и не столь существенно, как различие между социологией и, к примеру, химией или медициной.

Независимо от того, посещали подобные мысли головы библиотекарей или нет, они поступили правильно. Совокупности знаний, помещенные ими по соседству, и в самом деле имеют много общего: все они касаются *рукотворного* мира, т.е. части мира, или его аспекта, несущего на себе отпечаток человеческой деятельности, которой не существовало бы вообще, не будь действий человека. История, право, экономика, политическая наука, социология — все они рассматривают человеческие действия и их последствия. Это то, что присуще им всем, и потому они действительно могут рассматриваться вместе. Однако если все перечисленные совокупности знания исследуют одну и ту же “территорию”, то что их разделяет, если вообще разделяет что-то? В чем заключается специфика, которая “делает их разными”, определяет отличия и разделяет названия? На каком основании мы утверждаем, что, несмотря на все сходства и общность исследуемого поля, история — это не социология и не политическая наука?

Любой из нас может сходу дать простой ответ на эти вопросы: разделение между совокупностями знаний должно отражать различные стороны изучаемого ими мира. Человеческие действия или аспекты человеческих действий различаются между собой, и при разделении всей суммы знаний на отдельные совокупности мы лишь принимаем во внимание этот факт. Так, мы сказали бы, что история занимается действиями, происходившими в прошлом и не имеющими места теперь, а социология сосредоточена на настоящих событиях и действиях или на таких общих свойствах действий, которые не меняются со временем; антропология говорит о человеческих действиях, происходящих в обществах, пространственно удаленных и отличных от нашего, а социология обращает внимание на действия, происходящие в нашем обществе (чем бы оно ни было), или на такие аспекты этих действий, которые остаются неизменными в различных обществах. В случае с другими ближайшими родственниками социологии “само собой разумеющийся” ответ уже будет менее “само собой разумеющимся”. Однако, если все-таки попробовать ответить на наш вопрос подробным же образом, то окажется, что политическая наука изучает в

основном такие действия, как захват власти и правление; экономика занимается действиями, относящимися к использованию ресурсов, а также к производству и распределению товаров; правоведение исследует нормы, регулирующие человеческое поведение, а также то, как эти нормы формулируются, делаются обязательными и принудительными... Как видим, если продолжать в том же духе, то придется сделать вывод: социология является остаточной дисциплиной, пробавляющейся тем, что остается вне поля зрения других дисциплин. Чем больше материала помещают под свои микроскопы другие дисциплины, тем меньше остается проблем для обсуждения у социологии; словно “где-то там”, в человеческом мире существует ограниченное количество фактов, ждущих, когда их соберут и расчленият в соответствии с присущими им свойствами специальные отрасли науки. Незадача с таким “очевидным” ответом на наш вопрос заключается в том, что, как и большинство других убеждений, представляющихся нам самоочевидными и безоговорочно верными, он остается очевидным лишь до тех пор, пока мы воздерживаемся от более пристального взгляда на все предположения, заставляющие нас принять такой ответ. Поэтому давайте попытаемся проследить все стадии, через которые мы пришли к столь очевидному ответу.

Прежде всего откуда мы узнаем, что человеческие действия подразделяются на определенное число различных типов? — Из того факта, что они именно так были классифицированы и что каждая единица в этой классификации получила свое собственное название (например, мы знаем, когда речь идет о политике, когда — об экономике, когда — о законах, и знаем, что где искать), а также благодаря тому, что есть группы надежных экспертов, знающих и достойных людей, которые претендуют на обладание особым правом исследовать, высказывать компетентное мнение, руководить или советовать по поводу каких-либо определенных типов действия, а не иных. Но давайте продвинемся в нашем исследовании еще на один шаг вперед: каким образом мы вообще узнаем, каков человеческий мир “сам по себе”, т.е. до того, как он подразделен на экономику, политику или социальную сферу, и независимо от такого подразделения? Вполне очевидно, что мы узнали это не из нашего собственного жизненного опыта. Человек не живет сначала в экономике, потом в политике; человек не перемещается из социологии в антропологию, когда путешествует из Англии в Южную Америку, или из истории в социологию, становясь на год старше. Если мы и можем подразделять данные области в нашем опыте и можем сказать, что это действие здесь и сейчас относится к политике, тогда как другое имеет экономический характер, то только потому, что нас уже заранее научили делать такие различия. Следовательно, то, что мы на самом деле знаем, — это не мир сам по себе, а то, что мы с ним делаем; мы претворяем в практику, так сказать, наш *образ* мира, модель, аккуратно собранную из кирпичиков, приобретенных в процессе обучения и освоения языка.

Итак, можно сказать, что различия между научными дисциплинами не являются отражением естественных различий в человеческом мире. Наоборот, именно разделение труда между учеными, изучающими действия людей (разделение, которое поддерживается и усиливается взаимным разделением сфер компетенции и особых прав решать, что относится к сфере компетенции каждой группы), и проецируется на карту человеческого мира, которую мы храним в своем сознании и затем используем в нашей деятельности. То есть разделение труда между учеными соответственно структурирует мир, в котором мы живем. Значит, если мы хотим рассеять это наваждение и найти сокрытое место того “истинного различия”, то нам лучше взглянуть на практику существования самоценных дисциплин, которые, как нам казалось вначале, отражают естественную структуру мира. Теперь мы можем предположить, что как раз эта практика различных дисциплин и составляет различия

прежде всего; что если и существует какое-либо отражение, то оно направлено в сторону, противоположную той, о которой мы думали вначале.

Как отличить друг от друга разные виды практики, или практические сферы разных научных дисциплин? Видимо, следует начать с их отношения к тому, что они выбрали в качестве предмета своего исследования, а это отношение мало чем различается или не различается вовсе. Все они заявляют о том, что подчиняются одним и тем же правилам поведения, когда занимаются своим предметом. Все они прилагают максимум усилий, чтобы собрать все соответствующие *факты*. Все они стараются доказать, что факты получены правильно, что они проверены и перепроверены и что информация о них достоверна. Все они пытаются придать своим утверждениям о фактах ту форму, в которой они могут быть ясно и недвусмысленно поняты и проверены на соответствующем им опыте, а также на опыте, который станет доступным в будущем. Все они стараются предвосхитить или устранить противоречия между утверждениями, которые они выдвигают или опровергают, с тем, чтобы не было двух утверждений, которые не могут быть истинными одновременно. Короче говоря, все они пытаются выполнять свои обещания; получать и представлять свои открытия *обоснованно*, с помощью надежного метода (т.е. предполагается, что используемый метод ведет к *истине*). Наконец, они готовы принять критику и даже переосмыслить свои утверждения, если они не сделали этого. По сути дела, никаких различий в том, как понимается и реализуется практически задача экспертов и их “торговая марка” — научная ответственность, — не существует. Вряд ли нам удастся обнаружить какое-нибудь различие и в большинстве других аспектов научной практики. Все, кто претендует быть научным экспертом, используют, как очевидно, похожие стратегии сбора и обработки своих фактов: они наблюдают изучаемые объекты в их естественной среде (к примеру, людей в их “нормальной” повседневной жизни дома, в общественных местах, на работе, на досуге) или в специально сконструированных и тщательно контролируемых экспериментальных условиях (когда, например, человеческие реакции просматриваются в целенаправленно организованной среде или когда людей просят отвечать на вопросы, сформулированные так, чтобы предотвратить нежелательное вмешательство); либо используют в качестве фактов данные подобных наблюдений, полученные ранее (скажем, данные переписей населения, архивы полиции, церковные записи). Все ученые разделяют общие логические правила вывода и обоснования (или опровержения) заключений, сделанных из собранных и проверенных ими фактов. Однако, как нам кажется, наша последняя надежда найти искомое “значимое отличие” заключается в вопросах, характерных для любой отрасли исследования, т.е. вопросах, определяющих точки зрения (*когнитивные перспективы*), с которых рассматриваются, исследуются и описываются человеческие действия учеными, принадлежащими к различным дисциплинам; а также в *принципах*, упорядочивающих полученную по этим вопросам информацию и преобразовывающих ее в модель данной сферы или данного аспекта человеческой жизни.

В самом первом приближении, экономику, например, интересует прежде всего соотношение издержек и эффективности человеческого действия. По всей вероятности она рассматривает это действие с точки зрения распоряжения ограниченными ресурсами, к которым стремятся участники действия и хотят использовать их к наибольшей своей выгоде. Следовательно, в экономической науке отношения между действующими индивидами (актерами) выступают как аспекты производства и обмена товарами и услугами, регулируемые спросом и предложением. Очевидно, что эта наука суммирует свои выводы и открытия, составляя из них модель процесса, посредством которого ресурсы образуются, добываются и распределяются в зависимости от спроса.

Со своей стороны политическая наука чаще всего интересуется иным аспектом человеческого действия, а именно тем, который изменяет (или изменяется сам) реальное или предполагаемое поведение других действующих лиц (это воздействие обычно называют властью или влиянием). Политическая наука будет рассматривать человеческие действия с точки зрения асимметрии власти и влияния: поведение одних действующих лиц в ходе такого взаимодействия изменяется гораздо существеннее, нежели поведение других — их партнеров. Она, видимо, организует свои знания вокруг таких понятий, как “власть”, “господство”, “авторитет” и т.п., относящихся к классу понятий, с помощью которых исследуется дифференциация шансов получить то, по поводу чего стороны вступают в определенные отношения и за обладание чем они борются.

Однако предмет интереса экономики и политической науки (как и других гуманитарных наук) никоим образом не чужд социологии. Вы обнаружите это, как только взглянете на любой список рекомендуемой литературы для студентов-социологов: в нем наверняка найдется хотя бы несколько работ ученых, именующих себя историками, политологами, антропологами. И все же социология, как и другие отрасли социального исследования, имеет собственную познавательную перспективу, т.е. свой угол зрения и набор вопросов для изучения человеческих действий, а также собственную совокупность принципов интерпретации фактов.

Подводя первые и приблизительные итоги, можно сказать: то, что отличает социологию и придает ей особый характер, — это привычка рассматривать человеческие действия как элементы более широких структур, т.е. отнюдь не случайных совокупностей действующих лиц, замкнутых в сети взаимной зависимости (зависимость же есть состояние, при котором вероятность того, что действие будет предпринято, как и вероятность успеха этого действия, меняются в соответствии с тем, что представляют собой другие действующие лица, что они делают или могут сделать). Социологи спросили бы, каковы могут быть последствия этой замкнутости, ограниченности людей рамками отношений взаимной зависимости для их реальных и возможных действий. Такого рода вопросы и формируют объекты изучения социологии, которую более всего интересуют структуры, сети взаимосвязей, взаимообусловленность действия и увеличение или сокращение степеней свободы действующих лиц. Единичные действующие лица, вроде меня или вас, оказываются в поле зрения социологического исследования в качестве единиц, членов или партнеров в сети взаимозависимостей. Можно сказать, что основными вопросами социологии являются следующие: в каком смысле значима эта зависимость одних людей от других, что бы они ни делали; в каком смысле значимо то, что они всегда живут (и не могут иначе) сообществом, во взаимосвязи, обмениваясь, конкурируя и кооперируясь с другими людьми? Все это, охватываемое такого рода вопросами (а не некая отдельная совокупность людей или событий, отобранных для целей исследования, и не определенный набор человеческих действий, отвергнутый другими направлениями исследований), составляет особую область социологического анализа и позволяет определить социологию как относительно самостоятельную отрасль гуманитарных и социальных наук. Итак мы можем заключить, что социология является первым и основным *способом осмысления* человеческого мира; в принципе его можно осмысливать и другими способами.

Среди этих других способов, от которых мы отделили социологию, особое место занимает так называемый здравый смысл. Вероятно, социология более, чем другие отрасли науки, обнаруживает свою связь со здравым смыслом (с этим богатым, хотя и неорганизованным, несистематическим, зачастую не передаваемым словами знанием, которым мы пользуемся в нашей обыденной жизни), чреватую существенными для ее существования и практики проблемами.

В самом деле, лишь немногие науки озабочены тем, чтобы выразить свое отношение к здравому смыслу; многие даже не замечают его существования, не говоря уже о том, чтобы видеть в тем проблему. Большинство наук определяется в понятиях границ, отделяющих их от других наук, или “мостов”, соединяющих с ними, — посредством надежных и систематических, как и они сами, направлений исследований. Они не чувствуют достаточной общности со здравым смыслом, чтобы утруждать себя проведением границ или наведением мостов с ним. И их безразличие, следует признать, вполне обоснованно: здравому смыслу нечего сказать о предметах, которые занимают физику, химию, астрономию или геологию (а если он берется судить о них, то только с любезного позволения самих этих наук и лишь в той мере, в какой им удастся сделать свои замысловатые открытия понятными для простых людей). Предмет изучения физики или астрономии вряд ли когда-либо окажется в поле зрения обычных людей — внутри, так сказать, вашего и моего повседневного опыта. И потому мы, будучи не экспертами, а простыми людьми, не можем составить своего мнения об этих предметах без подсказки ученых. Объекты, исследуемые упомянутыми науками, обнаруживают себя лишь при весьма специфических обстоятельствах, которые обычным людям недоступны: на экране ускорителя стоимостью в миллионы долларов, сквозь линзы гигантского телескопа, на дне шахты глубиной в несколько тысяч метров, — только ученые могут их наблюдать и экспериментировать с ними. Эти объекты и события — монополия конкретной отрасли науки (или даже нескольких избранных ее экспериментаторов), собственность, не разделяемая ни с кем, кто не принадлежит к данной профессии. Будучи полновластными собственниками опыта, доставляющего данные для исследований, ученые полностью контролируют обработку, анализ и интерпретацию этих данных. Результаты такой обработки должны подвергаться тщательному критическому рассмотрению со стороны других ученых — но только ученых. Они не должны состязаться с общественным мнением, здравым смыслом или какой-то другой формой проявления мнения неспециалистов по одной простой причине: общественного мнения или точки зрения здравого смысла по изучаемым ими вопросам не существует.

Другое дело — социология. В социологическом исследовании не используются гигантские ускорители или радиотелескопы. Опыт, поставляющий данные для социологических открытий, которые затем ложатся в основу социологического знания, — это опыт обычных людей в их обычной, повседневной жизни; опыт, доступный в принципе (хотя на практике и не всегда) каждому; опыт, который до того, как попасть в магический кристалл социолога, был уже пережит кем-то — несоциологом, человеком, не обученным социологическому языку и не умеющим смотреть на вещи с социологической точки зрения. В конце концов, мы все живем в окружении других людей и взаимодействуем друг с другом. Все мы хорошо усвоили, что наши выгоды зависят и от деяний других людей. Все мы, и не однажды, прошли через страшный опыт разрыва отношений с друзьями и чужими. О чем бы ни толковала социология, все это уже было в нашей жизни. Так и должно быть, иначе мы не смогли бы управлять ходом нашей жизни. Для того чтобы жить в сообществе с другими людьми, нам нужно многое знать; “здравый смысл” и есть название этому знанию.

Глубоко погруженные в повседневную обыденность, мы едва ли когда-нибудь останавливаемся, чтобы осмыслить пройденное нами; еще реже бывает у нас возможность сравнить наш личный опыт с судьбой других людей, увидеть *социальное* в *индивидуальном*, *общее* в *частном*; именно это и делают для нас социологи. Нам нужно, чтобы они показали, как наши индивидуальные *биографии* переплетаются с *историей*, которую мы разделяем с другими людьми. И неважно, удастся социологам продвинуться столь далеко или нет, у них все равно нет другой

точки отсчета, кроме повседневного опыта, который они разделяют с вами и со мной, т.е. кроме того “сырого материала”, который насыщает повседневную жизнь каждого из нас. Уже по одной этой причине социологи, как бы они ни старались следовать примеру физиков или биологов и отстраняться от изучаемых ими объектов (т.е. смотреть на ваш и мой жизненный опыт как на “внешний объект”, с точки зрения беспристрастного и отдаленного наблюдателя), не могут полностью уйти от того внутреннего знания об опыте, который они пытаются понять. И как бы они ни старались, им суждено находиться по обе стороны того опыта, который они стремятся интерпретировать, т.е. быть вне и внутри него одновременно. (Заметьте, как часто социологи употребляют личное местоимение “мы”, когда сообщают о своих открытиях и формулируют свои общие положения. Они говорят “мы” вместо того, чтобы назвать “объект”, включающий в себя и тех, кто исследует, и тех, кого исследуют. Можете ли вы представить себе физика, который говорит о себе и о молекулах “мы”? Или астронома, называющего себя и звезды одним словом — “мы”?)

Но отношения социологии и здравого смысла еще более специфичны. Явления, которые наблюдают и обобщают физики и астрономы, открываются им в невинном, первозданном виде, не обработанными, свободными от ярлыков, готовых определений и предварительных интерпретаций (за исключением тех случаев, когда физики, первыми проводя некоторые эксперименты, вызывают своими интерпретациями само появление этих феноменов). Они ждут, пока физик или астроном не даст им названия, не определит их место среди других явлений и не разместит в упорядоченном целом; короче говоря, пока он не обозначит их, не придаст им *значение*. Но крайне мало, если существуют вообще, социологических эквивалентов (аналогов), подобных чистым и неизвестным феноменам, которые еще раньше не получили бы какого-нибудь значения. Изучаемые социологами человеческие действия и взаимодействия уже были названы и обдуманы, пусть недостаточно связно и внятно, самими действующими лицами: еще до того, как социолог приступил к их изучению, они были объектами обыденного знания и здравого смысла. Семья, организация, родственные связи, соседские общины, города и деревни, нации и церкви, любые другие совокупности людей, основанные на регулярном взаимодействии, уже давно были наделены значением и смыслом другими действующими лицами, так что теперь действующие лица сознательно обращаются к ним в своих действиях как к носителям данных им значений. Простые люди и профессиональные социологи, описывая эти объекты, могут пользоваться одними и теми же названиями, одним и тем же языком. Какое бы социологическое понятие мы ни взяли, оно всегда будет отягощено значениями (смыслами), данными ему обыденным знанием и здравым смыслом “простых” людей, вроде нас с вами.

Понятно, что социология слишком тесными узами связана со здравым смыслом, чтобы позволить себе так же беспристрастно и высокомерно обращаться с ним, как делают это, например, химия или геология. И нам, простым людям, тоже позволено размышлять о взаимозависимости людей, об их взаимодействиях, и рассуждать со знанием дела. Разве мы сами не испытываем эту взаимозависимость и взаимодействие? К социологическому обсуждению открыт широкий доступ, и пусть не каждый из нас получает приглашение присоединиться к нему, зато нет и четко обозначенных барьеров или запретов. Здесь всегда можно оспорить едва намеченные границы, надежность которых не гарантирована заранее (в отличие от наук, исследующих объекты, недоступные обыденному опыту), как, впрочем, и самостоятельность социологии в пределах социального знания, ее право делать авторитетные заключения о предмете. Именно поэтому для социологии (если она хочет ощущать себя наукой) как упорядоченной совокупности знаний так важно провести границу между собственно социологическим знанием и здравым смыслом,

всегда содержащим социологические идеи. Вот почему социологи уделяют этому гораздо больше внимания, чем другие ученые.

Мы можем отметить по меньшей мере четыре изначальных отличия социологии от здравого смысла (нашего с вами “сырого” знания жизни) по их отношению к общей для них сфере — человеческому опыту.

Начнем с того, что в отличие от здравого смысла социология пытается подчиняться строгим правилам **ответственных высказываний**, которые считаются атрибутом науки (в отличие от других, по общему мнению, более свободных и менее бдительно контролирующих себя форм знания). Это значит, что к социологам предъявляется требование очень четко различать высказывания, проверяемые доступным опытом, и высказывания, которые могут претендовать только на статус условного и непроверенного мнения, причем делать это различие так, чтобы оно было понятно каждому. Социологи скорее воздерживаются от неверного представления идей, основанных только на их собственных убеждениях (пусть даже самых страстных и глубоких), в качестве проверенных открытий, несущих на себе печать широкого признания и авторитета в науке. Правила ответственных высказываний требуют, чтобы “кухня” исследователя, т.е. вся совокупность процедур, приведших к завершающим выводам и выступающих гарантом их достоверности, была широко открыта для неограниченного общественного обозрения; приглашение повторить испытание, воспроизвести эксперимент и даже, возможно, опровергнуть выводы должно быть обращено к каждому желающему. Такие ответственные высказывания должны соотноситься с другими суждениями по данной теме; они не могут просто отвергнуть другие, уже высказанные точки зрения или умолчать о них, как бы эти точки зрения ни противоречили им и, следовательно, сколь бы неудобными они ни были. Предполагается, что, коль скоро правила ответственных высказываний честно и скрупулезно соблюдены, то тем самым резко повышается (или почти полностью гарантируется) надежность, обоснованность и, в конечном счете, практическая значимость утверждений. Наша общая уверенность в надежности убеждений, удостоверенных наукой, по большей части основывается на ожидании, что ученые и в самом деле следуют правилам ответственных высказываний и что наука как профессия побуждает каждого ученого следовать этим правилам во всех случаях. Что до самих ученых, то они указывают на достоинства ответственных высказываний как на аргумент в пользу превосходства предлагаемого ими знания.

Второе отличие касается размеров **поля**, на котором собирается материал для суждений. Для большинства из нас, непрофессионалов, такое поле ограничено нашим собственным жизненным миром: тем, что мы делаем; людьми, с которыми мы общаемся; целями, которые мы перед собой ставим и которые, как мы полагаем, другие люди также ставят перед собой. Мы очень редко пытаемся (если вообще пытаемся) подняться над уровнем наших повседневных интересов, расширить горизонт своего опыта, поскольку это требует времени и ресурсов, которые большинство из нас не может позволить себе затратить на такую попытку. И несмотря на невероятное разнообразие жизненных условий, каждый опыт, почерпнутый только из индивидуального жизненного мира, всегда фрагментарен и по большей части односторонен. Эти изъяны можно устранить лишь одним способом: объединить вместе и затем сопоставить друг с другом опыты из бесчисленного множества жизненных миров. И вот тогда раскрывается неполнота любого индивидуального опыта, равно как и сложная совокупность взаимосвязей и взаимозависимостей, в которой он существует, — совокупность, простирающаяся далеко за пределы, обозримые с удобных позиций индивидуальной биографии. В результате такого расширения горизонтов оказывается возможным раскрыть тесную связь между индивидуальной биографией и более общими социальными процессами,

которые не всегда осознаются индивидом и которые отдельный индивид наверняка не способен контролировать. Именно поэтому стремление социологов к более широкой, чем индивидуальный жизненный мир, перспективе имеет особое — и не только количественное (больше данных, больше фактов и статистики вместо отдельных случаев), но и качественное — значение в плане использования знаний. Для людей, вроде нас с вами, преследующих свои частные цели в жизни и стремящихся приобрести больший контроль над своим положением, социологическое знание может дать нечто большее, чем простой здравый смысл.

В-третьих, социология и здравый смысл различаются тем, каким способом они придают смысл человеческой реальности; какими удовлетворяются объяснениями по поводу того, почему все устроено так, а не иначе. Думаю, вы гораздо больше меня знаете по собственному опыту, что именно вы являетесь автором своих действий; вы знаете: все, что вы делаете (хотя не всегда это относится к результатам действий), проистекает из ваших намерений, ожиданий или целеполагания. Обычно вы знаете, как поступать, чтобы добиться желаемого положения вещей, будь то стремление обладать предметом, завоевать расположение учителя или прекратить насмешки друзей. Вполне естественно, что точно так же, как вы представляете себе свои действия, вы представляете и действия других. Вы объясняете себе их действия, приписывая их исполнителям намерения, которые известны вам из вашего опыта. И это наверняка единственный способ, каким мы можем придать смысл окружающему нас человеческому миру, — но лишь до тех пор, пока черпаем средства объяснения исключительно из нашего внутреннего жизненного мира. Мы склонны воспринимать все происходящее в мире в целом как результат чьего-то преднамеренного действия: всегда ищем виновников происшествий и, найдя их, думаем, что наше расследование закончено. Мы полагаем, что за каждым событием, которое нам нравится, скрывается чья-то добрая воля, а за тем, которое нам не нравится, — чьи-то недобрые намерения. Нам трудно понять, что ситуация не является результатом преднамеренного действия некоего определенного “субъекта”; и мы так просто не откажемся от нашего убеждения в том, что любая неблагоприятная ситуация может быть исправлена, если только кто-то где-то захочет предпринять правильное действие. Те, кто больше остальных объясняет нам мир — политики, журналисты, рекламные агенты, — подыгрывают этому нашему стремлению, говоря о “нуждах государства”, “требованиях экономики” так, как если бы государство или экономика были сделаны по мерке отдельных людей, наподобие нас с вами, и могли иметь нужды и заявлять требования. Вместе с тем они изображают сложные проблемы народов, государств и экономических систем (имеющие глубокие корни в самой структуре этих образований) как результат помыслов и деяний нескольких индивидов, которых можно назвать по имени, поставить перед камерой или взять у них интервью. Социология противостоит такой персонифицированной точке зрения на мир: начиная свои исследования скорее с подобных образований (совокупности зависимостей), чем с индивидуальных действующих лиц и простых действий, она тем самым показывает, что общепринятая метафора преднамеренно действующего индивида не годится для объяснения человеческого мира, включая и наш собственный мир, всецело личный и частный от помыслов до деяний. Рассуждая социологически, мы предпринимаем попытку понять смысл человеческого существования посредством анализа многообразных взаимозависимостей человека — самой непреложной реальности, объясняющей и наши мотивы, и результаты их активизации.

Наконец, давайте вспомним и то, что сила воздействия здравого смысла на способ нашего понимания мира и себя самих (иммунитет здравого смысла к сомнениям, его способность к самоутверждению) зависит от кажущейся самоочевидности его предписаний. Они “покоятся” на рутинной, монотонной

природе повседневной жизни, которая “информирует” наш здравый смысл и, в свою очередь, “информируется” им. Пока мы делаем обычные, привычные ходы, заполняющие большую часть нашей повседневной жизни, нам нет нужды заниматься самопроверкой и самоанализом. Если что-то повторяется довольно часто, то оно становится знакомым, а знакомое обладает свойством самообъяснения; оно не создает затруднений и не вызывает любопытства и, таким образом, остается невидимым, неразличимым. Вопросов никто не задает, поскольку все удовлетворены тем, что “вещи таковы, каковы они есть”, “люди таковы, каковы они есть”, и с этим вряд ли можно что-то поделать. Узнаваемость, привычность — злейший враг любознательности и критичности, а стало быть и всего нового, готовности к переменам. В столкновении с этим знакомым миром, в котором правят привычки и подтверждающие друг друга верования, социология действует как назойливый и раздражающий чужак. Она нарушает уютную и спокойную жизнь своими вопросами, никто из “местных” не припомнит, чтобы их когда-нибудь задавали, не говоря уже об ответах на эти вопросы. Такие вопросы превращают очевидные вещи в головоломки: они “очуждают” знакомое. Вдруг повседневная жизнь становится предметом внимательнейшего изучения. И тогда оказывается, что она — всего лишь один из возможных способов жизни, а не единственный и не “естественный” ее способ.

Подобные вопросы и вторжения в обыденность не каждому могут понравиться; многие предпочли бы отвергнуть такое превращение известного в неизвестное, поскольку оно предполагает рациональный анализ вещей, которые до сих пор просто “шли своим чередом”. (Можно вспомнить киплингескую многоножку, без труда переставлявшую все свои сто ножек, пока коварный лстец не начал перевозносить ее исключительную память, благодаря которой она никогда не поставит тридцать седьмую ножку раньше тридцать пятой, пятьдесят вторую — до девятнадцатой... Поверив в это, несчастная многоножка не могла больше ступить и шагу...) Кто-то может почувствовать себя шокированным и даже униженным: то, что было таким знакомым и чем гордился, теперь обесценено, выставлено никчемным и смешным, и сопротивление его вполне понятно. И все же превращение, о котором идет речь, имеет свои преимущества, а самое важное в нем то, что оно может открыть новые, до сих пор неведомые возможности для жизни с большим самосознанием и пониманием и даже с большей свободой и самоконтролем.

Для тех, кто считает, что осознанная жизнь стоит усилий, социология будет желанным подспорьем. Оставаясь в непрерывном и тесном взаимодействии со здравым смыслом, она стремится преодолеть его ограниченность и раскрыть возможности, которые здравый смысл, естественно, старается скрыть. Обращаясь к нашему обыденному знанию и ставя его под сомнение, социология может подтолкнуть нас к переоценке нашего опыта, обнаружить еще очень много способов его интерпретации и в результате поможет нам стать более критичными, менее довольными таким положением вещей, каким оно сложилось сегодня или каким мы его себе представляем (или, скорее, поможет нам никогда не считать эти проблемы несуществующими).

Искусство мыслить социологически может оказать каждому из нас самую важную услугу, а именно: сделать нас более *чуткими*; обострить наши чувства, шире раскрыть нам глаза, и тогда мы сможем исследовать человеческие ситуации, остававшиеся для нас до сих пор не заметными. Раз мы стали лучше понимать, как посредством использования власти и человеческих ресурсов осуществляются, реализуются кажущиеся на первый взгляд естественными, неизбежными, неустраняемыми, вечными аспекты нашей жизни, то уже вряд ли сможем согласиться с тем, что они недостижимы для человеческого действия, в том числе и нашего собственного. Социологическое мышление само по себе, можно сказать, по праву обладает собственной силой, именно *антизакрепляющей* силой. Оно возвращает

гибкость миру, до сих пор подавляющему своей жесткостью, и представляет его отличным от того, каким он есть сейчас. Можно утверждать, что искусство социологического мышления ведет к увеличению объема и практической эффективности нашей с вами *свободы*. Индивидом, освоившим и применяющим это искусство, уже нельзя просто манипулировать; он сопротивляется насилию и регулированию извне, тем силам, с которыми, как до сих пор считалось, бесполезно бороться.

Мыслить социологически — значит несколько больше понимать всех людей, окружающих нас, их пристрастия и мечты, их опасения и несчастья. Более того, мы сможем не только лучше понимать людей, но даже, возможно, и больше уважать их право делать то, что делаем и чем дорожим мы, — их право самим выбирать тот образ жизни, какой им больше нравится, строить свои жизненные планы, самоопределяться и, наконец (но не в последнюю очередь), всеми средствами защищать свое достоинство. Мы сможем тогда понять, что, делая все это, другие люди наталкиваются на препятствия того же рода, что и мы сами, и так же, как и мы, узнают горечь неудач. Фактически социологическое мышление может сильно способствовать нашей общей солидарности, основанной на взаимопонимании и уважении, солидарности нашего совместного противостояния страданиям и общей обреченности. Если такой результат будет достигнут, то дело свободы укрепитя и будет возведено в ранг *общего* дела.

Социологическое мышление может также помочь нам понять другие формы жизни, недоступные нашему непосредственному опыту и зачастую внедренные в наше обыденное знание в качестве стереотипов — односторонних, тенденциозных карикатур на образ жизни людей, отличных от нас (удаленных пространственно или в силу нашего к ним презрения и подозрительности). Проникновение во внутреннюю логику и смысл форм жизни, отличных от нашей собственной, может заставить нас вновь задуматься над мнимой непроницаемостью границы между нашим “Я” и “другими”, между “нами” и “ними”. Наконец, это заставит нас усомниться в естественности и предустановленности подобной границы. Новое понимание поможет облегчить наши связи с “другим” и скорее прийти к взаимному соглашению. Оно заменит страх и противостояние терпимостью, что также будет способствовать нашей свободе, поскольку нет более надежной гарантии индивидуальной свободы, чем свобода для всех, т.е. и для тех людей, которые предпочтут использовать свою свободу, чтобы начать жизнь, отличную от моей. Только при таких условиях может осуществиться наша собственная свобода выбора.

В силу вышеуказанных причин укрепление индивидуальной свободы посредством подведения под нее прочного основания коллективной свободы может иметь и *дестабилизирующий* эффект для существующих отношений власти (которые ее охранители обычно представляют как социальный порядок). Потому-то так часто социологию и обвиняют в “политической неблагонадежности” правительства и другие власть предержащие ревнители социального порядка (особенно правительства, закосневшие в своем стремлении ограничивать свободу подданных и всячески подавлять их сопротивление такому правлению, которому они должны подчиняться и которое должно быть представлено общественности как “необходимое”, “неизбежное” или “единственно разумное”). Когда возобновляются выступления против “подрывного влияния” социологии, тогда можно уверенно предположить, что уже готовится атака на способность подданных сопротивляться насильственному регулированию их жизни. Такие выступления зачастую совпадают с крутыми мерами против существующих форм самоуправления и самозащиты коллективных прав, или, другими словами, против коллективных основ индивидуальной свободы.

Говорят, что социология — это сила власть неимущих. Хотя так бывает не всегда. Нет гарантии, что, обретя социологическое понимание, можно устранить и освободиться от противодействия “грубых реалий” жизни; сила понимания не подходит для насильственного давления, соединенного с безропотным и покорным здравым смыслом. И все же, если бы не это понимание, шансы на успех индивида в управлении собственной жизнью и в коллективном управлении общими условиями жизни были бы еще меньше.

Эта книга написана с одной целью: помочь обычному человеку, вроде нас с вами, заглянуть за горизонты собственного опыта и показать, как можно по-новому интерпретировать, казалось бы, знакомые стороны жизни, увидеть их в ином свете. Все главы посвящены какому-либо аспекту повседневной жизни, дилеммам и ситуациям выбора, с которыми мы постоянно сталкиваемся в обыденной жизни, однако глубоко поразмыслить над которыми обычно не имеем достаточно ни времени, ни возможности. Каждая глава — это попытка побудить к таким размышлениям; но не для того, чтобы “исправить” ваши знания, а с тем, чтобы расширить их; не для того, чтобы заменить заблуждение непререкаемой истиной, а чтобы подтолкнуть к критическому осмыслению тех верований, которые до сих пор были вне всякой критики, чтобы привить вкус к самоанализу и привычке подвергать сомнению взгляды, претендующие быть само собой разумеющимися.

Таким образом, эта книга предназначена для личного пользования — быть подспорьем в истолковании проблем, возникающих в повседневной человеческой жизни. И потому от многих других книг по социологии она отличается тем, что составлена согласно логике повседневной жизни, а не логике научной дисциплины, изучающей эту жизнь. Здесь коротко упомянуты лишь несколько вопросов, занимающих и профессиональных социологов в силу того, что они сталкиваются с ними в своей собственной жизни (т.е. в жизни профессиональных социологов); многие же профессиональные темы опущены полностью. Вместе с тем многому, что находится сегодня на острие социологического знания, мы уделили внимание, соответствующее его значению в обыденной жизни. Следовательно, никакой всеохватывающей картины социологического знания, каким мы его находим в академических заведениях, где оно используется и преподается, здесь нет. Для того чтобы получить такую всестороннюю картину, читателю придется обратиться к другим текстам; в конце книги даны некоторые советы по этому поводу.

Книга, задуманная как комментарий к нашему повседневному опыту, не может быть систематизирована более, чем сам опыт. Поэтому изложение идет, скорее, кругами, нежели по прямой линии. Некоторые темы появляются повторно с целью еще раз взглянуть на них в свете того, что обсуждается в данный момент. Именно так и возможны попытки понять что-либо: каждый шаг вперед на пути осмысления с необходимостью предполагает возврат к предшествующим этапам нашего продвижения. И то, что, как казалось, мы уже поняли, ставит новые знаки вопросов, которые мы раньше не замечали. Этот процесс может продолжаться бесконечно, но в нем многое можно обрести.